

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета на диссертацию
Зайдес Кристины Денисовны на тему «Прагматические маркеры
предикативного типа в русской устной спонтанной речи», представленную на
соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.01 — Русский язык

Актуальность представленной диссертации К.Д. Зайдес не вызывает никаких сомнений: исследование посвящено явлениям устной речи, фиксация и глубокий анализ которых начались лишь в последнее время; анализ ведется в русле современных тенденций описания языка (включая актуальные антропоцентрически ориентированные парадигмы и междисциплинарные разработки); использованы корпусные и статистические подходы к описанию и обработке материала, введен в оборот малоизученный лингвистический материал спонтанной речи.

К наиболее **теоретически значимым**, на наш взгляд, относятся результаты данного исследования, связанные с установлением разновидностей прагматических маркеров предикативного типа (ПМПТ) и выработкой шкалы прагматикализации рассматриваемых единиц, разработкой алгоритма их дифференциации от омонимичных единиц (протоединиц,) встроенных в структуру предложения. Важными представляются выявленные связи между собственно лингвистическими свойствами рассматриваемых элементов (морфологические особенности, синтаксическая структура, функции и дискурсивное поведение ПМПТ) и другими параметрами коммуникативной ситуации (тип текста, свойства речевой ситуации, набор характеристик говорящего).

Очевидна и **практическая значимость** исследования: с одной стороны, полученные результаты и способы аннотирования, уже апробированные в работе с указанным корпусом, позволяют распространить применяемую стратегию и на другие создаваемые корпуса устной речи, во-вторых, специфические явления спонтанной речи, к которым принадлежит и изучаемый материал, значимы для изучения русского языка, прежде всего как иностранного. Выводы и материал исследования имеют как теоретическое, так и практическое значение и в преподавательской деятельности.

Отмечу также, что изучаемый материал представляет серьезный вызов и для переводчиков, поэтому накопление межъязыковых данных о единицах, которые появляются только в ходе непосредственного живого общения, является важным шагом для создания соответствующих двуязычных и многоязычных пособий.

Материалом для исследования послужила выборка из двух крупных корпусов русской устной речи: «Один речевой день» и «Сбалансированная аннотированная текстотека». Общий объем исследуемых конструкций – 1370 употреблений прагматических маркеров предикативного типа, составивших

рабочий подкорпус устной спонтанной речи, – является достаточным для решения поставленных задач. Лингвистический материал верифицируем и представлен в работе в необходимом объеме.

Структура работы соответствует поставленным задачам.

Остановлюсь на наиболее существенных характеристиках представленной работы.

Главы 1 и 2, посвященные всестороннему рассмотрению различных аспектов, связанных с заявленной темой (подходы и терминология описания устной речи, ее соотнесенность с разговорной речью, обширный комплекс вопросов, связанных с понятием прагматикализации и грамматикализации, а также терминообозначений для описания функциональных единиц спонтанной речи), демонстрируют высокую научную квалификацию диссертантки, ее глубокое знакомство с обширной современной литературой, умение разбираться в сложных лингвистических теориях и анализировать концепции предшественников, работающих в разных научных парадигмах. На примере выполненного исследования, как и впечатляющего списка работ диссертанта, становятся совершенно очевидными преимущества привлечения молодых и начинающих исследователей в совместную деятельность с более опытными коллегами, начиная от практических шагов (работа с корпусными данными, навыки аннотирования и т.д.) и заканчивая опытом общих теоретических разработок (включая и совместные публикации). Как еще один важный результат этого взаимодействия отметим и выработанный диссидентом прекрасный научный стиль и терминологическую отчетливость, соблюдаемую на протяжении всего текста работы.

Главы 3 и 4 представляют собственно результаты обработки созданного пользовательского подкорпуса для решения заявленных задач. В главе 3, обращаясь к анализу выбранного предмета исследования, диссидент доказывает прагматический характер выделенных в подкорпусе маркеров, опираясь на понятие прагматикализации (как пути развития дискурсивных слов, возникающих из знаменательных слов и языковых конструкций, который приводит в результате закрепления функций к образованию новых дискурсивных единиц – прагматических маркеров, стр.101) и этапов развития единицы в сугубо функциональную, речевую.

Наиболее значимой и в то же время наиболее трудной задачей исследовательской части работы, несомненно, является установление значимых отличий прагматических маркеров предикативного типа от «протоединиц», – предикативных единиц-источников, входящих в синтаксическую структуру предложения, включая элементы его осложнения (вводные слова и выражения). Для основного списка исследуемых маркеров автор приводит убедительные доказательства выхода единицы на дискурсивный уровень и обретение ими характера речевых автоматизмов (см., однако, замечание 2 далее). Опираясь на разработанный алгоритм определения статуса прагматического маркера, диссидент представляет характеристику системы данных единиц и процессы их грамматикализации и

прагматикализации как в целом, так и в отдельных сюжетах для каждого маркера.

Емко и наглядно представлены убедительные результаты анализа данных о связи между типами исследуемых маркеров и типом текста, о связи между лингвистическими характеристиками маркера и параметрами коммуникативной ситуации, включая различные свойства участников этой ситуации. Выявленные закономерности отражены в таблицах и графиках и аккуратно прокомментированы.

Личный вклад диссертанта в описание исследуемого объекта состоит в том, что в применении к собранному материалу:

- самостоятельно обработан и аннотирован подкорпус устной речи, включающий материал исследуемых предикативных маркеров;
- произведен синтаксический анализ маркеров, встречающихся в устной спонтанной речи, составлена их синтаксическая классификация;
- проанализированы и систематизированы контексты, провоцирующие употребление того или иного типа ПМПТ, определены функции последних;
- выявлена частотность употребления исследуемых элементов в разных типах текстов,
- установлены подкрепленные количественными и статистическими данными зависимости между употреблением типов изучаемых маркеров и характеристиками говорящего (гендер, возраст, уровень речевой компетенции, профессиональная принадлежность и уровень экстраверсии).
- выработан и апробирован алгоритм описания дискурсивных единиц с привлечением собственно лингвистических (морфологические характеристики, синтаксическая структура, особенности дискурсивного употребления) и экстралингвистических (тип текста, свойства речевой ситуации, характеристики говорящего) данных;
- разработана шкала прагматикализации, отражающая процесс прагматикализации различных ПМПТ и степень их прагматикализованности.

Вопросы и замечания.

1. Прежде всего отмечу тот (положительный) факт, что диссертантка показала высокий уровень понимания и освоения англоязычных концепций, связанных с изучаемой проблематикой. Такой уровень редко встречается в кандидатских диссертациях. В то же время иногда в диссертации упор на работы иностранных лингвистов кажется, во-первых, избыточным, во-вторых, делается в ущерб описаниям отечественных лингвистов.

Такой перекос касается только главы 2 (в первой главе найден удачный баланс пропорций и тематических, и библиографических). Затянутое (двадцатистраничное, см. 64-85) описание англоязычной литературы заключается всего лишь выводом (с. 87) о нестрогом применении рассматриваемых терминов (*дискурсивный / прагматический маркер* и др.), – собственно, с такой же мысли, что и начинался этот обзор (с. 64).

На фоне пространного описания различных дискурсивных маркеров английского языка проигрышно выглядят отечественные исследования дискурсивных слов, которым посвящено лишь 1,5 страницы (с. 86-87) – сюда включены только Киселева, Пайар (1998) и «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка» (после чего докторант обращается сразу к концепции Н.В. Богдановой-Бегларян, с опорой на которую определяются предикативные маркеры, но это уже относится к установочной части).

В этой связи читателю остается неясным, почему в англоязычном обзоре уделяется столько внимания значению конкретных английских дискурсивных слов, сопоставлению их между собой (ср. описание различий между *because* и *so* (с.74), сравнение слов *however* и *still*, причем последним посвящена целая страница (с.82)), хотя они даже не имеют прямого отношения к исследуемому материалу. Почему не уделить это внимание обзору уже исследованных отечественными лингвистами дискурсивных единиц, хотя бы даже из *Путеводителя*. А их немало и помимо того, учитывая (и это докторант хорошо знает), что их анализ прячется в рамках изучения паратектических элементов, частиц и проч.

Возьмем для примера маркер (*я*) *думаю* (*что*). В диссертации нет нескольких значимых работ, которые были бы уместны в связи с ограничением его от предикативных единиц и вводных слов. Прежде всего это статья Натальи Вадимовны Сердобольской «Бессоюзные актантные предложения с глаголом *думать* в русском языке» // ВЯ. 2017. 5, целью которой, собственно, является установление критериев, позволяющих отличить бессоюзные употребления с ДУМАЮ от вставных конструкций с ДУМАЮ, а ведь под последними Н.В. Сердобольская рассматривает, в частности, и те элементы, что составляют предмет данной диссертации, см. пример (5) из указанной статьи Н.В. Сердобольской: *Трудность будет состоять в том / что он должен был сам собрать все эти сведения / равные результатам труда сотен / я думаю / филологов* [Андрей Зализняк. Читаем «Слово о полку Игореве». Проект Academia (ГТРК Культура) (2012)]. Более того, в этой статье большая часть анализируемого материала — из устного и мультимедийного подкорпуса НКРЯ, с привлечением и просодических данных.

Исследования Г.И. Кустовой в *Библиографии* представлены лишь небольшим материалом конференции 2018 г. в Барселоне (почему не статьей на эту тему из Диалога 2018: *Ментальные предикаты 2-го лица в метатекстовых конструкциях* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии «Диалог 2018»?), их можно было бы расширить, как минимум, статьей: *Кустова Г.И. Семантические эффекты времени во вводных конструкциях с ментальными глаголами* (Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: «Диалог 2020»), где на примере, в частности, глагола *думать* демонстрируются разные фазы процесса редукции исходной «полноценной» синтаксической единицы к грамматическому показателю.

В целом, ментальные предикаты, прежде всего их переосмысление как модальных маркеров, имеет в русистике давнюю историю, см. хотя бы сборник «Логический анализ языка. Знание и мнение» (АН СССР, Ин-т языкоznания; Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука, 1988), а также богатую (отнюдь не только новую и англоязычную) библиографию про *думать*, представленную в указанной статье Н.В. Сердобольской. То же касается и речевых предикатов.

С моей точки зрения, не хватает в работе обзора (отечественных прежде всего) исследований по вводным словам и предложениям (литература по данному вопросу огромна).

Комментарий о морфологической пестроте частиц как дискурсивно ориентированных элементов дана на Zwicky 1985 и Tommola 2008 (с.79), а не на, напр., книгу Т.М. Николаевой «Функции частиц в высказывании» (1984), где обосновывается и иллюстрируется такая же мысль. Ссылка на функцию эпистемической неуверенности у вводного *думаю* приводится на ряд англоязычных работ рубежа XX-XXI в., а не на русскоязычные исследования этой формы как модального маркера (см. выше).

2. Такое пристальное внимание к *думаю*, которое высказано в этом отзыве, определено, в частности, тем, что его доказуемость как pragматического маркера, на мой взгляд, не проведена в диссертации столь же аккуратно, как это сделано с другими маркерами. На с. 120-121 находим сопоставление его с примерами полнозначных предикативных единиц (глагола мыслительного процесса и глагола мнения, к последнему возведен ПМ), а не с функциями вводного элемента, с которым наиболее близок ПМ *думаю* и по грамматическим ограничениям, и по семантическим трансформациям. На стр. 138 диссертанткой заявлен двойной путь грамматикализации и pragmatikaлизации *думаю*: из части сложного предложения и из вводного слова одновременно, но второй путь (как и характеристика вводного элемента *думаю*) описаны, по существу, не были. Между тем вводный элемент *думаю* разделяет с ПМ *думаю* значительную часть свойств (сокращенность парадигмы, функции и т.п.).

3. Из других недостатков, которые могли бы быть устраниены, отмечу избыточные витки рассуждений (напр. понятие уровня речевой компетенции примерно в одних и тех же формулировках и с введением сокращения повторяется и на с. 52, и на с. 55). В гл. 2 (впрочем, и в последующих главах тоже) отмечаются близкие пассажи о грамматикализации.

4. В заключение небольшой вопрос диссидентанту: наблюдаются ли (кажется, что должны иметься) функциональные различия разных вариантов последовательностей *то-сё, то да сё и и то, и сё?*

Высказанные замечания не влияют на общую высокую оценку диссертационного исследования К.Д. Зайдес.

Диссертация Кристины Денисовны на тему «Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи», безусловно, соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-

Петербургском государственном университете», а соискатель Зайдес Кристина Денисовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Председатель диссертационного совета
Доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры славянской филологии СПбГУ

Иванова Елена Юрьевна

18.01.2021

